

ДРАМА ВОСХОЖДЕНИЯ В ПРОПАСТЬ
(о романе Сергея Карпенко «Последний главком»)

Всплеск общественного интереса к Белому движению явно миновал, а массового российского читателя ни научно-популярная, ни даже художественная литература о «белых рыцарях» так и не увлекла. И уже поэтому следует отдать должное смелости известного историка Белого движения Сергея Карпенко, «взявшегося за перо», чтобы рассказать о судьбе генерала Петра Николаевича Врангеля, о его участии в Гражданской войне средствами художественной прозы. Тем более что он прибег к жанру романа-хроники и обозначил его в подзаголовке, хотя в «постпикулевской» исторической литературе репутацию этого жанра изрядно подмочили: на полках книжных магазинов стоят «романы-хроники», в которых при всем желании не найти ни романа, ни хроники.

«Последний главком», изданный АСТ в серии «Белое движение» в начале 2006 г., вряд ли можно назвать литературным дебютом Сергея Карпенко: в соавторстве с отцом, писателем Владимиром Карпенко, им уже были написаны исторические романы о войне между красными и белыми на юге России: «Исход» (1984) и «Врангель в Крыму» (1995). Сокращенный вариант 1-й части рецензируемого романа-хроники опубликовал нью-йоркский «Новый Журнал» (2004. № 235) под названием «Доброволец».

Автор воссоздал лишь один год из жизни генерала Врангеля. Не 1920-й, как можно было ожидать, исходя хотя бы из названия, – широко известный отступлением белых в Крым (к генералу Слащову, выражаясь по-булгаковски, «под крыло»), боями под Каховкой, штурмом красными Перекопа и началом «стамбульского бродяжничества». А 1918-й – год, когда Врангель вступил в Добровольческую армию и принял участие в кро-

вопролитной борьбе с большевиками на Северном Кавказе. Год, когда благодаря победам его конных частей он быстро выдвинулся в ряд старших начальников и обрел популярность в белых войсках и в тылу. Когда он трижды, почти чудом, избежал верной смерти (от пули, от шашки и от сыпного тифа). И когда, что, похоже, и интересовало автора более всего, в нем зародилось неприятие стратегии и политики главнокомандующего белыми войсками на юге генерала Антона Ивановича Деникина, которое впоследствии, в 1919-м, привело к острому конфликту между ними.

Естественно, в центре повествования – главный герой. Однако он не предстает перед читателем, как это обычно происходит в художественных биографиях белых вождей, монументом из незапятнанной чести, железной воли и могучего ума, подавляющим вокруг себя всех и вся. Широко прибегая к несобственно-прямой речи, показывая через восприятие Врангеля как самых разных людей, с какими его сводила и сталкивала судьба, так и трагические события на фронте и в тылу, участником которых ему довелось стать, автор глубоко погружает читателя во внутренний мир героя. В мир, где все, как вокруг солнца, вращается вокруг его непомерного и губительного честолюбия, где сомнения и разочарования порой одолевают волю, а гордыня, питаемая одаренностью, толкает разум на принятие решений, отнюдь не безупречных с нравственной точки зрения, где бушуют страсти такой силы, что часто взламывают панцирь внешнего спокойствия, выдержки и наследственного светского благородства. Психологическое состояние Врангеля, движения и порывы его души, перемены настроения и зигзаги мысли, происходящие под воздействием многих внешних обстоятельств, прослеживаются в романе непрерывно и прорисовываются до мельчайших деталей, ярко раскрываются через его фразы и жесты, индивидуализированную прямую речь и внутренние монологи.

В раскрытии образа главного героя и прослеживании возникновения и развития его конфликтных отношений с Деникиным и его окружением

исключительную роль играют герои «второго плана». Постоянно показывая Врангеля через восприятие окружающих, оценивая его личность и его поступки по субъективной шкале ценности каждого из них, причем оценки эти подчас противоположны и меняются в зависимости от ситуации, автор дает читателю возможность увидеть многие грани этой незаурядной личности, удивительное сочетание светлых и темных ее сторон.

И это же позволяет автору самому отстраниться от главного героя и тем добиться полной объективности авторской речи и избежать навязывания читателю каких-либо упрощенных характеристик и однозначных оценок. Может сложиться впечатление, что отношение автора к главному герою так и остается неизвестным. Но так ли это? Реконструируя прошлое, отбирая факты и выстраивая эпизоды, автор исподволь создает у читателя именно то впечатление, к которому и стремится, формирует именно то мнение, которое полагает верным.

При всем обилии персонажей «второго плана», как реальных личностей, так и вымышленных, автор каждого сумел наделить яркими портретными характеристиками, психологическими свойствами и индивидуальной речью. Особенно запоминаются мелькнувший в первой части литератор Шульгин, гетман Скоропадский, военачальники Дроздовский, Топорков и Науменко, врач Ушинский.

Как известно, именно глагол движет сюжет, не дает ему застопориться. Авторская речь «Последнего главкома» очень динамична благодаря чаще всего верно найденным глаголам, выразительно и точно передающим суть изображаемого, благодаря короткой, рубленой фразе. Другая языковая особенность романа – отсутствие цветистости, которая могла бы «размыть» остроту той или иной сцены.

При этом в романе обстоятельно воссоздается рукотворный материальный мир, который окружал человека в начале минувшего столетия, навсегда ушел от нас и сохранился лишь в музейных собраниях. Порой,

правда, автор излишне увлекается описаниями городов (Киева, Екатеринодара, Ставрополя, Кисловодска), кубанских станиц и ставропольских сел, жилья, мебели и предметов быта, военной формы и оружия. Но, думается, многими деталями, как ни любопытны они сами по себе, все же можно было пожертвовать ради ускорения темпа действия, ради сосредоточения внимания читателя на главном. Куда сложнее с военными и политическими коллизиями той эпохи, но их, ради той же цели, вполне можно было перенести в комментарии.

Где чувство меры не изменило автору, так это в описании природы: удерживаясь от тривиального антропоморфизма, он выразительно описывает природу и перемены погоды, влиявшие на ход военных действий, на физическое и душевное состояние героев.

Сильная сторона романа – отсутствие у автора взгляда на Белое движение через «розовые очки». Он правдиво и образно показывает «первородные» беды Добровольческой армии: конфликты правительства Деникина с Кубанским казачьим войском, отсутствие действенной власти, казны и налаженного снабжения, грабеж мирного населения, неполучение ожидаемой помощи от западных держав, проявивших по отношению к России, как и всегда, меркантильность и эгоизм. Зарождение взаимонепонимания между Врангелем и Деникиным выписано психологически глубоко и без попыток на кого-то одного возложить ответственность за то, что в будущем оно разрастется в острый конфликт вождей, по-разному понимающих причины неудач и видящих пути к победе над большевиками.

Читателю, далекому от исторической науки, очень трудно разобраться в трагических событиях Гражданской войны: отделить достоверные факты от домыслов и легенд, истинные заслуги героев книг от приписанных авторами, искренние заблуждения самих авторов от их намеренной лжи. Слишком много в прежние времена лгали народу и о белых, и о Гражданской войне вообще. Немало, хотя и по-другому, лгут и теперь... Ро-

ман «Последний главком» с первых страниц вызывает доверие, которое растет с каждой новой прочитанной главой. И поневоле думаешь: «Так вот как это было...» И все отчетливее видишь страшную глубину пропасти, расколовшей Россию в годы «русской смуты», все острее чувствуешь всю силу взаимной ненависти тех, кто пошел друг на друга «конно, людно и оружно», все сильнее сострадаешь изломанным и потерянными жизнями русских людей. А после прочтения остается горькое ощущение одиночества главного героя и бесплодности всех его усилий спасти «его» Россию.

На фоне нынешнего литературного потока, в котором преобладает «смесь политической чернухи с политизированной порнухой» (С. Семанов), роман Сергея Карпенко «Последний главком» – произведение честное и яркое. Оно выбивается из ряда подобных органичным сочетанием глубины знаний исторической эпохи и тем, что когда-то было принято называть «изящной словесностью».